

МРНТИ 17.09.91

DOI: <https://doi.org/10.62724/202440201>

Абдуллина Лилия Бакировна^{*1}

Кандидат педагогических наук, доцент, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Российская Федерация, 453100, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, улица Комсомольская 67, l.b.abdullina@struust.ru, ORCID ID: 0000-0002-7131-7019

Гайфуллина Миляуша Фаниловна²,

Кандидат филологических наук, доцент, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Российская Федерация, 453100, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, улица Комсомольская 67, m.f.gayfullina@struust.ru, ORCID ID: 0009-0000-0437-4104

Сулейманова Фания Мурзабаевна³

Кандидат педагогических наук, доцент, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Российская Федерация, 453100, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, улица Комсомольская 67, f.m.suleymanova@struust.ru, ORCID ID: 0009-0002-6803-3320

ПОЭТИКА ЖЕСТА В РАССКАЗЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ТРИ СМЕРТИ»

Аннотация. В поэтике Толстого естественные телесные проявления человека – не просто некий «измеритель лжи» или показатель уровня соответствия «внешнего» «внутреннему» в коммуникационном процессе, но своего рода способ распознавания людской сущности. В настоящем исследовании важным является выявление характерологической функции жеста персонажей рассказа «Три смерти» Л.Н. Толстого, поэтому в данной работе «жест» понимается как проявление в достаточной мере импульсивное, обладающее нецеленаправленностью и некоторой произвольностью выражения.

В рассказе человек и природа оказываются в одном ряду как носители живой жизни. Но, если человек отдаляется от природы и отъединяется от «всеобщего всего», то в нем стирается естественность – гармония «внутреннего» и «внешнего». Поэтому попытки героев рассказа (барыни, ее супруга, доктора) скрыть свои внутренние переживания обречены на борьбу с собственным телом, которому свойственна абсолютная искренность. Описание внешнего облика персонажей – портретная характеристика, жест, мимика – своего рода «измеритель лжи», средство обнажения скрытого «внутреннего». Неадекватные внешние проявления несут истину о человеке.

Материалы статьи можно использовать в практике преподавания историко-литературных и теоретико-литературных курсов в вузе, а также русской литературы в учреждениях образования различного уровня.

Ключевые слова. Поэтика жеста, характерологическая функция жеста, литературный характер, рассказ «Три смерти», поэтика Л.Н. Толстого.

Введение. Акцент в изображении персонажей Толстой делает на естественные человеческие проявления – телесное поведение героев. Тем самым толстовская «правда» тела порой обесценивает статус словесной речи. Телесные сигналы соединяют

«внутреннее» и «внешнее» в человеке, содействуют взаимопроникновению различных пространств в людском бытии.

Как писал А.И. Белецкий, «в физической внешности важно не то, красив человек или некрасив <...>, а то, какова «повадка» человека. Отсюда, у Толстого внимание к жесту, к походке действующих лиц: произвольный жест больше вводит наблюдателя в понимание чужого внутреннего мира, чем самое тщательное изучение неподвижной внешности <...>» [1, с. 74].

Теория литературного жеста, которая находится в процессе становления, во многом опирается на достижения других гуманитарных наук. Например, в области русского языка (С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев, Г.Е. Крейдлин и др.), в психологии (И.Н. Горелов, А. Пиз, Дж. Фаст и др.), в теории актерского мастерства (А.Я. Бродецкий, П. Пави и др.). В литературоведении данная проблема исследована в работах В.В. Башкеевой, С.Т. Ваймана, М.Б. Ямпольского и др.

По мнению А.Я. Бродецкого, невербальный язык «содержит значительно больше информации по сравнению с вербальным» [3, с. 8]. О том же пишет и известный психолог А. Пиз: «<...> большая часть человеческого общения происходит при помощи жестов, поз и соблюдения расстояния между людьми» [4, с. 7].

Материалы и методы исследований. В работе использовались общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения и систематизации, а также возможности мифопоэтического, структурно-семантического методов литературоведческого анализа, отдельные принципы и приемы филологического анализа текста.

Выбор методологических ориентиров осуществлялся с учетом концепций, предложенных М.М. Бахтиным, Б.О. Корманом, Ю.М. Лотманом. При осмыслении категории «характер» в теоретическом аспекте особый акцент сделан на труды В.А. Беглова, С.Г. Бочарова, А.М. Левидова, А.В. Михайлова, А.А. Фаустова, В.Е. Хализева.

В основу работы также легли результаты исследований о своеобразии раннего творчества Л.Н. Толстого Я.С. Билинкиса, Б.И. Бурсова, Е.Н. Купреяновой, Ю.В. Лебедева, Г.Л. Лескиса, о принципах изображения толстовских характеров С.Г. Бочарова, В.Д. Днепровца, Г.Б. Курляндской, О.В. Сливицкой, Е.Г. Эткинды и др.

Результаты и их обсуждение. Изучение жестового поведения литературных героев – значимый момент для понимания внутреннего мира, характера персонажей.

Рассказ, написанный в январе 1858 года и опубликованный в №1 «Библиотеки для чтения» за 1859 год, представляет собой один из маленьких шедевров раннего Толстого по глубине и силе проникновения в ощущения и чувства умирающего человека, по пластике описания и энергии слога. В «Трех смертях» прямое открытое слово утрачивает былую непререкаемость и обнаруживает свою конечную суть в контексте физической реальности – в жестовом поведении.

В письме к А.А. Толстой от 1 мая 1858 года автор так определил основную мысль рассказа: «...три существа умерли – барыня, мужик и дерево. Барыня жалкая и гадкая, потому что жила всю жизнь и ждала пред смертью. Христианство, как она его понимает, не решает для нее вопроса жизни и смерти. Зачем умирать, когда хочется жить? <...> Мужик умирает спокойно...его религия – природа, с которой он жил...Дерево умирает спокойно, честно и красиво...» [6, с. 514]. Это и обусловило повествовательную структуру произведения: рассказ написан в форме триптиха, где каждая часть посвящена описанию смерти разных по жизненным установкам и среде обитания «сущест».

Первая часть рассказа повествует о барыне – больной чахоткой молодой женщине. Уже в начальном эпизоде рассказа, когда больная госпожа и ее горничная едут в карете, внимание автора нацелено на жестовое поведение персонажей.

« – Оять, – сказала она (госпожа), нервически отталкивая красивой худощавой рукой конец салоп горничной, чуть-чуть прикасавшийся к ее ноге; и рот ее болезненно изогнулся. Матреша (горничная) подобрала обеими руками салоп, приподнялась на сильных ногах и села дальше. Свежее лицо ее покрылось ярким румянцем. Прекрасные темные глаза больной жадно следили за движениями горничной. Госпожа уперлась обеими руками о сиденье и также хотела приподняться, чтоб подсесть выше; но силы отказали ей. Рот ее изогнулся, и все лицо ее исказилось выражением бессильной, злой иронии» [7, с. 60].

Госпожа не может смириться с тем, что безнадежно больна. Она боится смерти, не хочет умирать и потому страдает сама и мучает близких ей людей, хотя по учению исповедуемой ею религии она должна бы была всю жизнь жить в ожидании смерти, причем ожидать ее наступления не с мукой, а с верой и надеждой. Она с завистью смотрит на пышущую здоровьем горничную.

Данное ее состояние перерастает в некую озлобленность на окружающий ее мир. Заметим, что дважды употребленный в данном фрагменте текста жест персонажа «рот изогнулся» повторится и в другом эпизоде, где супруг постарается уговорить больную не отправляться за границу: «<...> ежели тебе сделается хуже дорогой...тогда по крайней мере дома.

– Что ж, что дома?.. Умереть дома? – вспыхливо отвечала больная...Рот больной вдруг детски изогнулся <...>» [7, с. 63].

Жесты барыни не всегда интонируют ее словам, а скорее опровергают их, противопоставляя жестовую и вербальную формы поведения. Причем надо заметить, что проявление несоответствия «внешнего» «внутреннему» в героях во многом обусловлено тем, что природная непосредственность оказывается сильнее разума.

Достаточно хорошо известна манера Толстого по ходу повествования постоянно возвращаться к однажды подмеченной детали или фрагменту физического поведения человека.

Мигрирующий жест вносит в новые диалогические ситуации свою первоначальную семантику и, таким образом, раздвигает границы их локального содержания, сводит их с прежними контекстами. Рассмотрим эпизод разговора больной госпожи с доктором у станции.

« – Коли мне плохо, это не резон, чтобы вам не завтракать, – слегка улыбаясь, сказала больная доктору, который стоял у окна.

«Никому им до меня дела нет», – прибавила она про себя, как только доктор, тихим шагом отойдя от нее, рысью взбежал на ступени станции» [7, с. 61].

В данной ситуации жест больной «слегка улыбаясь» является некой неосознанно созданной маской, скрывающей истинные чувства, мысли героини.

Приведем другой диалог, происходящий между больной и ее супругом после того, как у госпожи был священник.

« – Поздравляю тебя, мой друг, – сказал муж.

– Благодарствуй! Как мне теперь хорошо стало, какую непонятную сладость я испытываю, – говорила больная, и легкая улыбка играла на ее тонких губах. – Как бог милостив!» [7, с. 69].

На первый взгляд, больная кажется абсолютно спокойной, но легкая улыбка входит в контекст разговора «в ореоле прежнего жеста» и тем самым ставит под сомнение искренность слов госпожи.

И действительно, уже через некоторое время она начинает упрекать своего супруга: «Я христианка. Я все знаю. Я знаю, что мне жить недолго, я знаю, что ежили бы муж мой

раньше послушал меня, я бы была в Италии и, может быть, даже наверно, была бы здорова» [7, с. 68].

Барыня прекрасно понимает свою близкую кончину, но желание жизни сильнее всего, и она до конца надеется на выздоровление. «Больная повернулась к окну и стала медленно креститься, глядя во все большие глаза на большую деревенскую церковь, которую объезжала карета больной» [7, с. 60].

И даже тогда, когда кузина уговаривает умирающую приобщиться святых тайн, и больная приобщается, у больной все равно теплится надежда. Священник, чтобы как-то облегчить последние минуты жизни умирающей, рассказывает ей о каком-то мещанине, который травами вылечивает, и больная «снова с жадной мольбой смотрела полными слез глазами на образ» [7, с. 69].

В постоянстве внешних проявлений героев Толстой усматривает симптомы лжи. Так в поведении супруга больной госпожи часто повторяются жесты: «*закрыв глаза рукою*» или «*закрыв лицо платком*». По мнению психологов, «руки, поднесенные к лицу, - это основной жест, связанный с обманом» [8, с. 90].

И действительно муж абсолютно неискренен по отношению к своей жене, в нем отсутствуют такие человеческие качества, как искреннее сочувствие и сопереживание. Он больше занят собой и своими делами. Как только путешественники остановились у станции, муж подходит к больной и задает уже заученный вопрос: «Ну, как ты, мой друг, не устала?» [7, с. 61]. Получив ожидаемый отрицательный ответ, отправляется в станционный дом и, «с веселой улыбкой потирая руки» (невербальный сигнал позитивных ожиданий), велит погребец принести.

Это общее лицемерие и обнажают типичные толстовские «разоблачительные сценки», где внутренняя радость здоровых людей, предвкушающих приятную выпивку и вкусную закуску, прикрывается сочувственно-унылыми лицами и приглушением голосов, а раздражение больной, ощущающей свое совершенное одиночество и беззащитность, – внешним смирением и доброжелательными фразами.

Барыня умирает от чахотки, боясь и не веря в свою смерть. Умирает плохо, поскольку, согласно авторскому замыслу, была далека от природы и жила ложно.

Во второй части рассказа изображена смерть ямщика. Он умирает просто, спокойно, лежа на печи в чужой избе, и без рефлексии. И на сочувственные вопросы окружающих людей отвечает просто, без каких-нибудь упреков и раздражения: «Везде больно. Смерть моя пришла – вот что <...>» [7, с. 65].

Мужик перед смертью отдает другому последнее, что осталось у него – свои ненужные уже сапоги. Он не многословен, практически отсутствуют жесты, так как все его действия естественны.

«Больной, припав усталой головой к глянцовитому ковшу и макая редкие отвисшие усы в темной воде, слабо и жадно пил. Спутанная борода его была нечиста, впалые, тусклые глаза с трудом поднялись на лицо парня. Отстав от воды, он хотел поднять руку, чтобы отереть мокрые губы, но не мог и отерся о рукав армяка. Молча и тяжело дыша носом, он смотрел прямо в глаза парню, собираясь с силами» [7, с. 64].

Нет страха перед неизбежной смертью, а есть лишь неловкость перед посторонними людьми, которым он невольно причиняет неприятности:

«– Ты на меня не сердчай, Настасья, – проговорил больной, – скоро опростаю уголто твой» [7, с. 65].

Ямщик даже рад, сослужить пользу, пусть и совсем незнакомому человеку. Может, добрым словом помянут, да камень на могилу поставят, о котором и есть единственная просьба ямщика. Более никаких желаний, даже стонать он пытался тише, чтоб не потревожить спящих рабочих людей. Отдал сапоги и умер.

Действия и поведение ямщика естественны, поскольку он всегда был в гармонии с природой и свыкся с круговращением жизни и смерти.

И, наконец, красиво умирает дерево – об этом третья часть рассказа.

Даже «предсмертные муки» дерева, выраженные посредством своего рода жестов, представлены естественно, спокойно. Дерево не боится смерти и, по существу, не знает ее, так как у природы в целом нет конца. Поэтому авторский акцент в финале рассказа делается на том, что «смертью» дерева освобождается пространство для других молодых деревьев.

В природе смерть одного «существа» означает рождение и жизнь других. Подтверждением этому становится и своеобразное обрамление рассказа описаниями природы в начале и конце произведения.

Рассказ открывается пейзажными зарисовками осени, когда природа как бы замирает, в финале сцена дана на фоне весеннего возрождения природы. Эта «рама» и придает данному произведению смысловую законченность, выражая высшую мудрость – бессмертие природы.

Выводы. Таким образом, в толстовском рассказе человек и природа оказываются в одном ряду как носители живой жизни. Но, если человек отдаляется от природы и отъединяется от «всеобщего всего», то в нем стирается естественность – гармония «внутреннего» и «внешнего». Поэтому попытки героев рассказа (барыни, ее супруга, доктора) скрыть свои внутренние переживания обречены на борьбу с собственным телом, которому свойственна абсолютная искренность.

Природа для героев рассказа, как и во многих произведениях писателя, становится своего рода измерителем лжи. Чем ближе люди находятся к природе, тем естественнее и правдивее их поступки, действия, слова.

В рассказе «Три смерти» Л. Толстой достиг многого: и социальный, и этический пласты у него замкнуты на человеке, на его душе, психологии. Важнейшим для Толстого-художника оказывается психологический аспект: диалектика души делает людей живыми, убедительными, узнаваемыми.

Итак, в ранней прозе Толстого описание внешнего облика персонажей – портретная характеристика, жест, мимика – своего рода «измеритель лжи», средство обнажения скрытого «внутреннего». Неадекватные внешние проявления несут истину о человеке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Белецкий, А.И. Избранные труды по теории литературы [Текст] / А.И. Белецкий. – М.: Просвещение, 1964. – 479 с.
- 2 Бахтин, М.М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук [Текст] / М.М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 332 с.
- 3 Бродецкий, А.Я. Внеречевое общение в жизни и в искусстве. Азбука молчания [Текст] / А.Я. Бродецкий. – М.: ВЛАДОС, 2000. – 190 с.
- 4 Пиз, А. Язык разговора [Текст] / А. Пиз, А. Гарнер; пер. Т. Новикова. – М.: Эксмо, 2003. – 223 с.
- 5 Билинкис, Я.С. Новаторство Л.Н. Толстого в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». Лекция в спецкурсе по творчеству Л.Н. Толстого [Текст] / Я.С. Билинкис. – Л.: Гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. – 1973. – 43 с.
- 6 Толстой, Л.Н. Собрание сочинений [Текст] : в 22 т. / Л.Н. Толстой ; гл. ред. М.Б. Храпченко. – Т.17-18. – М. : Худож. лит., 1984. – 910 с.
- 7 Толстой, Л.Н. Собрание сочинений [Текст] : в 22 т. / Л.Н. Толстой ; гл. ред. М.Б. Храпченко. – Т.3. – М. : Худож. лит., 1979. – 478 с.

8 Плюханова, М.Б. Творчество Л.Н. Толстого. Лекция в духе Ю.М. Лотмана [Текст] / М.Б. Плюханова // Л.Н. Толстой: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент. и библиогр. К. Г. Исупова. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 822-858.

REFERENCES

- 1 Beleckij, A.I. Izbrannye trudy po teorii literatury [Selected works on literary theory].” M.: Prosveshchenie, (1964): 479s. – (In Rus)
- 2 Bahtin, M.M. Avtor i geroj: k filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk [The author and the hero: towards the Philosophical foundations of the Humanities].” SPb.: Azbuka, (2000): 332s. – (In Rus)
- 3 Brodeckij, A.Ya. Vnerechevoe obshchenie v zhizni i v iskusstve. Azbuka molchaniya [Non-verbal communication in life and in art. The ABC of Silence].” M.: VLADOS, (2000): 190s. – (In Rus)
- 4 Piz, A. Yazyk razgovora [The language of the conversation].” A. Garner; per. T. Novikova. – M.: Eksmo, (2003): 223s. – (In Rus)
- 5 Bilinkis, Ya.S. Novatorstvo L.N. Tolstogo v trilogii «Detstvo», «Otrochestvo», «Yunost». Lekciya v speckurse po tvorchestvu L.N. Tolstogo [The innovation of L.N. Tolstoy in the trilogy "Childhood", "Adolescence", "Youth". Lecture in a special course on the works of L.N. Tolstoy].” – L.: Gos. ped. in-t im. A.I. Gercena. (1973): 43s. – (In Rus)
- 6 Tolstoj, L.N. Sobranie sochinenij [Collected works].” v 22 t. ; gl. red. M.B. Hrapchenko. – T.17-18. – M. : Hudozh. lit., (1984): 910s. – (In Rus)
- 7 Tolstoj, L.N. Sobranie sochinenij [Collected works] : v 22 t. / gl. red. M.B. Hrapchenko. – T.3. – M. : Hudozh. lit., (1979): 478s. – (In Rus)
- 8 Plyuhanova, M.B. Tvorchestvo L.N. Tolstogo. Lekciya v duhe Yu.M. Lotmana [The work of L.N. Tolstoy. Lecture in the spirit of Y.M. Lotman].” L.N. Tolstoj: pro et contra / sost., vstup. st., komment. i bibliogr. K. G. Isupova. – SPb.: RHGI, (2000): 822-858s. – (In Rus)

Л.Н. ТОЛСТОЙДЫҢ «ҮШ ӨЛІМ» ӘНГІМЕСІНДЕГІ ЖЕСТ-ИШАРА ПОЭТИКАСЫ

Аңдатпа. Толстой поэтикасында адамның табиғи дене көріністері-бұл жай ғана "өтірік өлшегіш" немесе байланыс процесінде "сыртқы" "ішкі" сәйкестік деңгейінің көрсеткіші емес, адамның мәнін танудың өзіндік тәсілі. Бұл зерттеуде Л. Н.Толстойдың "Үш өлім" әңгімесіндегі кейіпкерлердің характер-ишарасының сипаттамалық функциясын анықтау маңызды, сондықтан бұл жұмыста "қимыл" жеткілікті импульсивті көрініс ретінде түсініледі, мақсатсыздыққа және өрнектің кейбір еріксіздігіне ие.

Әңгімеде адам мен табиғат бір қатарда тірі өмірдің тасымалдаушысы ретінде кездеседі. Бірақ, егер адам табиғаттан алшақтап, "бәрінен" алшақтаса, онда ол табиғилықты – "ішкі" және "сыртқы"үйлесімділікті жояды. Сондықтан әңгіме кейіпкерлерінің (ханым, оның әйелі, дәрігер) ішкі тәжірибелерін жасыру әрекеттері абсолютті шынайылықпен сипатталатын өз денесімен күресуге мәжбүр. Кейіпкерлердің сыртқы келбетін сипаттау-портреттік сипаттама, қимыл, мимика - "өтірік өлшегіштің" бір түрі, жасырын "ішкі"экспозиция құралы. Сыртқы көріністердің жеткіліксіздігі адам туралы шындықты тудырады.

Мақала материалдарын университеттегі тарихи-әдеби және теориялық-әдеби курстарды, сондай-ақ әртүрлі деңгейдегі білім беру мекемелеріндегі орыс әдебиетін оқыту тәжірибесінде қолдануға болады.

Кілт сөздер. Жест поэтикасы, характер-ишараның сипаттамалық қызметі, әдеби

сипаты, «Үш өлім» әңгімесі, Л.Н. Толстойдың поэтикасы.

THE POETICS OF GESTURE IN L.N. TOLSTOY'S SHORT STORY «THREE DEATHS»

Abstract. In Tolstoy's poetics, natural bodily manifestations of a person are not just a kind of «lie meter» or an indicator of the level of correspondence of the "external" to the "internal" in the communication process, but a kind of way of recognizing human essence. In this study, it is important to identify the characterological function of the gesture of the characters in the story "Three Deaths" by L.N. Tolstoy, therefore, in this work, the "gesture" is understood as a sufficiently impulsive manifestation, possessing non-directionality and some involuntary expression.

In the story, man and nature find themselves in the same row as carriers of living life. But if a person moves away from nature and separates himself from the "universal everything", then naturalness is erased in him – the harmony of the "inner" and "outer". Therefore, the attempts of the heroes of the story (the lady, her husband, the doctor) to hide their inner feelings are doomed to struggle with their own body, which is characterized by absolute sincerity. Description of the external appearance of the characters – portrait characteristics, gesture, facial expressions – a kind of "lie meter", a means of exposing the hidden "inner". Inadequate external manifestations carry the truth about a person.

The materials of the article can be used in the practice of teaching historical and literary and theoretical literature courses at the university, as well as Russian literature in educational institutions of various levels.

Key words. The poetics of gesture, the characterological function of gesture, literary character, the story «Three Deaths», the poetics of L.N. Tolstoy.